

УДК 159.947

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КАУЗАЛЬНОСТИ И НОРМАТИВНОСТИ В ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

М. В. Бахтин

Издательство «Энциклопедист-Максимум» Образовательно-культурного центра «Интер-Спутник»
Москва, Российская Федерация
e-mail: universdoktor@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена метафизическим основаниям философии образования, которые рассматриваются как источники моделирования образа будущего человека, а также совершения тех или иных поступков. Исследуется эволюция данных принципов в ходе развития человеческой цивилизации. Принцип причинности, рассматриваемый как фундаментальная онтологическая характеристика бытия, предполагает, что человек может реализовать свое стремление к свободе, только подчинив свою жизнь универсальному объективному закону. В каузальной перспективе всякое явление рассматривается как следствие некой причины и одновременно как причина некоего другого следствия.

Ключевые слова: каузальность, нормативность, философия образования, образ человека, моделирование, образовательные стратегии, свобода воли, необходимость, объективные универсальные законы.

Для цитаты: Бахтин М. В. Метафизические принципы каузальности и нормативности в истории и философии образования // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №4. С. 4182–4189. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-02>

DOI: 10.20913/2618-7515-2020-4-02

METAPHYSICAL PRINCIPLES OF CAUSALITY AND NORMATIVITY IN PHILOSOPHY OF EDUCATION

Bakhtin, M. V.

Encyclopedist-Maximum Publishing House of «Inter-Sputnik» Educational and Cultural Center
Moscow, Russian Federation
e-mail: universdoktor@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the metaphysical foundations of the philosophy of education, which are considered as sources of modeling the image of the future person, as well as the commission of certain actions. It investigates the evolution of these principles during the human civilization development. The principle of causality, considered as a fundamental ontological characteristic of being, suggests that a person can realize his desire for freedom only by subordinating his life to a universal objective law. Every phenomenon is seen in a causal perspective as a consequence of some cause and at the same time as the cause of some other effect.

Keywords: causality, normativity, philosophy of education, person image, modeling, educational strategies, free will, necessity, objective universal laws.

For quote: Bakhtin, M. V. [Metaphysical principles of causality and normativity in philosophy of education]. *Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 4182–4189. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-02>

Введение. Целью статьи является определение гносеологического статуса принципов нормативности и каузальности и границ их применимости в исторической науке, социальной философии и философии образования. Одной из актуальных проблем любого переходного общества является теоретическое осмысление свободы человеческой воли и ее метафизических оснований. В связи с этим метафизические принципы каузальности и нормативности выступают в качестве фундаментальных основ организации наших представлений о мире и его познании.

Рациональность моих деяний базируется на их мотивированности – так рассуждает индивидуум. Продолжая далее рассуждать, он отмечает, что характеризует связь с ситуацией, в которой находится, а также определяет итоги собственного анализа данного статус-кво. Понятно, что движение мысли – вещь сугубо личная, соответственно и поведение людей в одном и том же положении может быть абсолютно разным. Рассуждая философски, можем утвердить предопределение *данности* прошлым, поскольку ситуация сложилась из событий, уже произошедших и создавших, сложившись вместе, именно эти обстоятельства. Но *заданность* не есть родовое качество настоящего. Ее, пожалуй, можно назвать неким вектором, финишным флажком, стоящим на пути к исполнению некоего императива, предложенного индивидууму или взятого им самим для себя в качестве цели. Итак, можно сказать, что настоящее, в котором мы располагаемся, есть мостик между данностью (следствием прошлого) и заданностью (проекцией будущего). Между этими двумя полюсами и происходит «электрический разряд жизни» реального человека, который лихорадочными усилиями своей мысли и своих движений пытается связать нить личного бытия.

Постановка задачи. Задачей статьи является рассмотрение вопроса о соотношении свободы воли и нормативного порядка, а также вопроса о возможности конструирования социальной реальности и единого объединенного мира. В статье рассматривается вопрос о переходе от казуального порядка к нормативному порядку исторического процесса на протяжении XX столетия. Проводится мысль о том, что в XX в. мир вступил в эру управляемой истории, а следовательно, казуальный порядок стремительно вытесняется порядком нормативным, при котором исторический процесс становится все более планируемым и предсказуемым, где исторические события и явления все чаще являются воплощением заранее составленного плана действий.

Заданность в гораздо большей степени, нежели данность, является внешней по отношению к индивидууму, движение к ней скорее следует принимать за непрерывное стремление выйти за границы данности, то есть чувственного жизненного потока. Возможным путем осуществления таких попыток может быть мышление, наука. Однако это лишь общее утверждение, в нашем случае рабочим будет рассмотрение методологических принципов мышления.

Методология и методика исследования. Методологической основой работы является принцип историзма, диалектического единства и преемственности исторических эпох. Используется метод сравнительного анализа двух онтологических принципов – нормативности и каузальности. Используются также такие научные методы, как: диалектический, историко-субстратный, структурно-функциональный, системный и вариативно-моделирующий. Применены методы и принципы феноменологии, исторической герменевтики, философского диалога и принципы культурно-исторической компаративистики.

Результаты. Уже в XX столетии, когда общечеловеческое научное мышление достаточно основательно и прочно выстроило историческую и социально-культурную детерминированность рационалистических выводов классической философии, изначальная последовательность некоей этой самой рациональности размывается и приобретает весьма дуалистическое содержание. Например, признается, что рациональной бывает не только теория, но и практическая жизнь индивидуума, не укладывающаяся ни в какие теоретические траншеи.

И. Пригожин заметил, что «европейцы живут на пересечении по крайней мере двух различных систем ценностей: с одной стороны, научной рациональности, а с другой – рациональности коллективного поведения» [1, с. 42]. Добавим к этому умозаключению, что любая выявленная рациональность обязательно базируется на уверенности присутствия в мире некоего логически устроенного порядка. Данный постулат в свою очередь, является фундаментом для объяснения онтологических определений бытия, суть которых во многом зависит от содержания доминирующих доктрин или религиозных воззрений рассматриваемого исторического периода. Как и откуда рождаются эти убеждения и верования, как трансформируются и во что превращаются в результате таких трансформаций?

В модели мира первобытного человека не могла присутствовать и не присутствовала картина природы как некий порядок явлений, объединенных едиными причинно-следственными законами. Однако это не значит, что наш первобытный предок не представлял себе окружающий его мир вне категорий порядка, просто в его сознании был другой порядок. То, что для современного человека выглядит как отдельная от него и его жизни природа, для нашего пращура было органичной частью жизни, или, скорее, он сам себя чувствовал частью природного мира, связанной с ним кровеносными сосудами верований, примет, ритуалов и, конечно, чисто материальными зависимостями, поскольку пища, одежда, тепло брались исключительно из природного окружения.

Мы не знаем и никогда не узнаем, когда это произошло: в какие-то моменты исторического развития человечества зарождается и далее неостановимо развивается социальный порядок, регулирующий

отношения людей, так что в определенный период ему начинает подчиняться весь мир, при этом основывается он не на каузальных (причина – следствие), а на нормативных (вина – воздаяние) законах.

Тем не менее современные этнографы, исходя из данных своей науки, утверждают: идеи ответственности человека за все происходящее в мире принадлежат к древнейшим убеждениям человечества. Например, человек воспринимал явления природы не как нейтральные к нему атмосферные процессы, а в причинно-следственной связи, в соответствии с законом воздаяния, принимая позитивные природные воздействия как награду, а негативные – как заслуженную кару за какие-то его неправильные поступки. Таким образом, для первобытного ума было не свойственно восприятие по отдельности природы как объекта каузального порядка и социума с его нормативным устройством, что характерно для современного сциентистского мышления.

Вообще миропонимание, базирующееся на нормативных принципах, кардинально не сходится с каузальным, если только не упомянуть еще один вид сознания – мифорегиозное, которое исторически долго может как бы интегрировать столь противоположные восприятия мира. Здесь противоречие разрешается просто: последования природных явлений, а также и общественных процессов есть проявления божественной воли, противостояние которым, хотя бы и мысленное, влечет за собой неотвратимое наказание [2, с. 127]. Симптоматично, что и причина, и вина в древнегреческом словаре обозначены одним словом – *atria*. Очевидно, что переход от нормативного восприятия событийности к каузальному произошел тогда, когда Homo sapiens пришел к заключению, что отношения в неживой природе, в отличие от человеческих, не связаны ни с волей человека, ни с волей Того, кто над ним, или, по-другому, нормативны. Однако такой скачок в сознании был, конечно, нелегко и небыстро в историческом значении времени.

Весь путь зарождения и развития человеческой мысли о безличности природного порядка, которая есть онтологическое ядро классической рациональности, начинается от первых философов Древней Греции и за века приходит к идеям Галилея, Декарта и Ньютона. Согласно философским воззрениям Платона, мировое пространство двухкомпонентно: есть идеальный мир, существующий как некий эталон, обиталище чистых сущностей и образцовых отношений между ними, и мир предметный, наш, земной, который хоть и отражает идеальную модель, но по сравнению с ней гораздо грубее, примитивнее, проще. Тем не менее идеальный мир показывает нам, людям, высшую планку и обозначает направление стремления. Однако земным существам не дано воплотить законы высшего бытия, но возможно постичь их чистым умом посредством умозерцания. При этом та эмпирика, которой полнятся наши земные науки и познания, не является чистым знанием, подлинным, которое может быть получено опять-таки через умственное созерцание, что может дать в конце концов понимание высших смыслов мира и открытие подлинной роли человека в мироздании.

Все-таки радикального разделения каузальности и нормативности в древнем мышлении не случилось. Большая часть античных философов прочитывают некий *установленный* порядок в законах природы, категорию причины же отождествляют с действиями судьбы: «Все происходит по велению судьбы, как говорят Хрисипп..., Посидоний, Зенон, а также Бозт <...> Судьба – это непрерывная [цепь] причин сущего или разум, согласно которому управляется мироздание» (Диоген Лаэртский [3, с. 149]).

Разделение каузальности и нормативности не происходит еще и в XVII в. Это видно, например, в «Рассуждении о методе» Декарта, где он абсолютно четко формулирует соображения о законах, «установленных Богом в природе», и также в одном из своих писем подчеркивает ту же мысль, что «Бог установил эти законы... так же, как суверен устанавливает законы в своем королевстве» [4, с. 76].

Завершается данное историческое движение человеческой мысли от нормативности к каузальности мироздания Ньютоном, который провозглашает единство законов небесной и земной механики. После архаичной модели мироздания, этой «пирамиды» с богами на вершине, появляется базовая для Нового мышления концепция универсума, где никому не подчиняющаяся математика описывает одними и теми же формулами движения небесных тел и функционирование земных процессов.

То есть открытое человечеством видение мира получило обоснование кодексом каузальных законов, которые точно выражаются – раз и навсегда! – математически. Кто же издал эти законы таким образом, чтобы их приняли за непререкаемые? Наука, которая в определенный момент стала высшим авторитетом в мире, во многих умах даже заместившая Бога, не будем, впрочем, давать моральной оценки этому факту, поскольку такая задача далека от рамок наших рассуждений. Так вот, основательность занятия наукой места главного арбитра составила бесконечно повторенное подтверждение, что объясненный ею же каузальный порядок мира дает возможность в любое время и в любом месте абсолютно точно и одинаково определить соотношение любого явления со всем уже происшедшим и даже будущим.

Гносеологическая перспектива такого мировоззрения, которое можно смело назвать господствующим доныне в умах человечества, неисчерпаема, поскольку имеет поистине бесконечный ресурс

посылок. Например: «ничто из случающегося не происходит без соответствующей причины». Или: «неожиданности можно назвать таковыми, пока мы не выявили вызвавших их причин». Ну и, конечно, мы стараемся применять уже выясненные нами причинно-следственные связи для движения к новым целям, однако ряд еще не уясненных нами закономерностей делает это непрерывное движение к прогрессу (как мы полагаем, и это воззрение дает нам силы) подверженным флуктуациям из-за многих пока еще неясных нам обстоятельств, что бесспорно отражает тернистость характера нашего пути.

Однако существует и некая предопределенность и заданность в этой несгибаемой причинности, принятой за главную онтологическую черту бытия, из чего вытекает, что человек воплощает личностное стремление к свободе, только приняв несвободу данного закона. Можно еще сказать, что индивидуум, живущий в рамках каузальности, должен отсесть в своем мироощущении все случайное, оставив только необходимое. Или, желая быть свободным, он превращает себя в аскета не только в средствах, но также и в мотивах и целях, поскольку его помыслы не должны заходить дальше того, что не было бы связано с объективной необходимостью. Так, каузальное бытие является строго детерминированным, причем без участия собственно воли: «наука, – пишет в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевский, – научит человека, что... все, что он ни делает, делается вовсе не по его хотению, а само собою, по законам природы. Следовательно, эти законы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет».

Каузальное мировоззрение появилось после длительного процесса формирования новых представлений о модели мира. Предшествующий мир, где царил нормативный порядок вещей, можно было уподобить пирамиде, где все подчинялось воле верховного существа, фараона ли, богов ли, но в любом случае субъекта. Наша новая вселенная живет по объективным законам, шаг за шагом поясняемым нам наукой, что создает ощущение непрерывного творения человеком картины миропорядка, который распространяется на каждую частичку космоса и никем и ничем не управляем, а присущ.

Великий Лейбниц, стоящий у истоков нынешнего научного познания, постулировал: порядок, господствующий в мире, таков, что «всякое полное действие репрезентирует [свою] полную причину», поэтому «из познания этого действия я всегда могу прийти к познанию его причины» [5, с. 341]. Если причина «полностью репрезентирована» в следствии, то и логике нашего познания следует быть столь же взаимосвязанной, как и природная причинно-следственная цепь. Уверенность Лейбница в каузальности мироздания подразумевает непрерывную цепочку причин-следствий, вытекающих одно из другого явлений, эдакую математическую формулу, которую вот-вот напишет на лекционной доске новый Эйнштейн. Однако такой исход событий своей конечностью противоречил бы как, собственно, и самой теории относительности выше упомянутого ученого, так и принципу свободной воли личности, которая до сих пор является одной из нерешенных загадок познания. Кант говорил о ней как о свободе, подчиненной нравственному закону – «категорическому императиву», верующие предложат, естественно, опереться на божественную волю, мы же, чтобы не вдаваться в бесконечную полемику, заключим эту мысль словами Германа Гессе: «мы свободны в выборе зависимостей».

Суммарное же сегодняшнее понимание природы заключается в том, что она выглядит как некое внеисторическое образование. В подобной модели *полная причина* всякого явления представлена в нем же как *полное следствие*, откуда вытекает эквивалентность обоих факторов. Однако, если причины и следствия эквивалентны, мы имеем дело с обратимостью времени, естественно, в логическом умозаключении.

Итак, начиная с Новейшего времени, наступившего где-то столетия три назад, все более распространялось это «лейбницевское» представление о внеисторизме открываемых одного за другим научных законов, которые естественно присущи природе, космосу, вообще мирозданию. Заметим, что такое видение стало всеобщим не только у деятелей науки и вообще мыслителей, но и у обычных людей: в их обыденные представления вошла каузальность, выстраивающая мировосприятие как бесконечную причинно-следственную цепочку между прошлым и будущим.

Но вот в недавнем прошлом появились признаки смены парадигмы: где-то во второй половине двадцатого столетия по крайней мере среди людей науки концепция тотального каузального миропорядка начинает размываться. Всеобщий детерминизм уже не кажется универсальным законом, в связи с чем начинают раскачиваться опоры классического европейского рационализма – уже описанный нами онтологический закон непрерывности причинно-следственных связей явлений, а также вытекающий из него гносеологический закон единства знания рациональной науки. Это не очень пока заметно для непосвященных, однако внутри процесса познания слышны панические возгласы, и вот уже, например, пресловутую лейбницевскую концепцию универсального детерминизма Гастон Башляр называет невероятной, *чудовищной!* [6, с. 165].

Что ж, «все мы, все мы в этом мире тленны», и, как оказывается, то же относится и, казалось бы, к незыблемым, вроде бы открытым раз и навсегда законам мироздания. Нет, ничего подобного: мы

видим сегодня, что дифракция гносеологической перспективы, до недавнего бывшей строго прямолинейной, и изменение онтологических базисов закономерно меняют всю конструкцию. Поскольку именно на этом фундаменте нами были установлены главные значащие смыслы существующего порядка вещей. Из которых онтологическое основание всего научного знания – законы природы, существующие «сами по себе», независимо от человеческого бытия, – теперь рушится. Но если дело обстоит так, то с дифференцией природного и человеческого бытия разрушается и образ мира, еще недавно представляемый единым во всем своем устройстве, деталях, уголках, поскольку всюду, как мы полагали, действуют одни и те же универсальные каузальные законы. Таким образом, если ранее все происходящее как в сфере природы, так и в человеческом социуме выглядело как единый механизм, то новый взгляд, New Age, различает и некоторые внешние силы, действие которых нарушает жесткую линейность детерминизма [7, с. 54].

Происходящая на наших глазах трансформация строя мышления походит, наверное, на тот переворот в сознании, который когда-то привнесли Джордано Бруно и Галилей, переместив нашу планету из центра мироздания на рядовую орбиту. Такие подвижки меняют наезженные колеи мышления так, что мы поворачиваем там, где раньше проезжали прямо, и открываем для себя совершенно новую перспективу, где усматриваем нечто ранее невиданное. Но и это далеко не все результаты сдвига ракурса зрения: в конце концов мы чувствуем, что оказались в ином, новом мире других смыслов. Верный признак такого попадания в «Зазеркалье» – нам становится неважно то, что раньше было важным и наоборот. Еще, пожалуй, самая главная перемена: принципы устройства мироздания воспринимаются теперь не как присущие его природе, а как нечто, зависящее от принятой парадигмы. При этом такое принятие делается не путем кропотливого выявления причинно-следственных процессов, а скорее актом воли, который может казаться иррациональным на фоне обожествленной предыдущими столетиями рациональности, школьной логики, однако это не так: просто мы имеем дело с рациональностью нового типа, неклассической. К этому типу мышления и действий еще надо привыкать, другого варианта нет, поскольку этот выбор уже сделан [8, с. 18].

Однако, в отличие от каузального порядка классической рациональности, нормативный миропорядок не рассматривается теперь ни как абсолютная и вечная характеристика самого по себе бытия и мышления, ни как результат действия некоей могущественной трансцендентальной властной воли. Этот порядок понимается как установленный или признанный людьми, а не надчеловеческой властью, а потому имеющий нормативную силу лишь в границах той или иной культурной общности или исторической эпохи. В связи с этим понимание современной истории как истории управляемой является пониманием нового миропорядка как нормативного творчества. Новый миропорядок, чаще звучащий как новый мировой порядок, в этой трактовке – нормативная воля, акт конкретных людей, управляющих историческим процессом и тем самым его создающих. При таком понимании современная история предстает как творчество, нормативный акт группы лиц, имеющих четкий план действий (вспомним слова Воланда, обращенные к Берлиозу, о человеке как творце истории, не имеющем даже ее четкого плана). Воплощение, пошаговое внедрение этого плана в жизнь есть не что иное, как объективация каждого волевого акта проектировщиков и архитекторов нового мирового порядка. Только достигнув определенного уровня, степени глобализации, человеческая история смогла стать по-настоящему управляемой, а следовательно, перейти на нормативный порядок. До того, в эпоху первобытности, то есть до 1917 г., человеческая история развивалась во многом хаотично, двигаясь в большей степени объективными историческими законами. Так, родоплеменное общество сменилось рабовладельческим не потому, что этого захотела какая-то группа лиц, а в силу объективных исторических законов классовообразования. Таким же образом рабовладельческое общество сменилось феодальным, а последнее – капиталистическим. Но все эти смены происходили не в силу нормативного порядка, то есть не в силу желания конкретных лиц, а в силу объективных исторических и экономических законов эволюции человечества. Иначе говоря, развитие исторического процесса тогда носило казуальный характер. Созревание тех или иных исторических причин порождало те или иные исторические изменения, рождение новых форм мироустройства, диалектические переходы, скачки и прочее.

Напротив, достижение капитализмом своей новой фазы развития, империализма, обеспечило такую концентрацию производства и капитала на планете, что глобализация после Первой мировой войны пошла гораздо более высокими темпами, нежели до того. С этого момента казуальный порядок стал стремительно заменяться нормативным, и заменяется им все больше и больше. Таким образом, концентрация исторического процесса в руках узкого круга монополистов обеспечивает переход казуального порядка общественной жизни и истории к нормативному порядку. И чем больше такая концентрация, чем больше степень и выраженность управляемости исторического процесса – тем скорее осуществится переход от казуального порядка к нормативному. Наглядным примером такого перехода является

невиданная по своим масштабам и размаху специальная операция архитекторов исторического процесса под кодовым названием «коронавирус», или «пандемия». Наивысшая степень манипулирования и зомбирования общества проявляется в том, что при очевидном отсутствии какой бы то ни было пандемии в 2020 г. авторы этой специальной операции смогли уверить 99% населения планеты в наличии этой самой пандемии и ее опасности. Факты же говорят совершенно о другом. Любой студент медицинского вуза знает, что эпидемией является заболевание, которым охвачено как минимум 1–2% населения, то есть по меньшей мере 80 млн человек. Если болеют больше 80 млн человек, можно говорить о начале распространения эпидемии. На конец 2020 г. коронавирусом, по официальным сведениям, болеют около 70 млн человек, то есть существенно меньше. Следовательно, ни о какой эпидемии, а тем более пандемии, говорить нет возможности. Второй показатель пандемии – географический охват. Он должен быть хотя бы 50% территории планеты. А что мы видим на сегодня? На сегодня эпидемия развивается только в 80 странах мира: в США, Чили, Бразилии, Перу, Аргентине, Израиле, Испании, Великобритании, Южно-Африканской Республике, Саудовской Аравии, Королевстве Бахрейн, Омане, Кувейте, Боливии, Катаре, Эквадоре, Люксембурге, Сингапуре, Молдавии, Армении, Панаме, Палестине, Бельгии, Нидерландах, Швеции, Доминиканской Республике, Гватемале, Парагвае, Чехии, Объединенных Арабских Эмиратах, Коста-Рике, Румынии, Португалии, Швейцарии, России, Гондурасе, во Франции, Французской Гвиане, на Мальдивах и в других; 80 стран – это всего 40%. Например, в Азии и Африке почти нет стран, где развивается эпидемия, таких стран в этих частях света – единицы.

Третий показатель эпидемии – смертность. История дает нам массу фактов масштабных эпидемий от античности до наших дней. Как правило, масштабные эпидемии уносили жизни от 0,5 до 5% и более населения. То есть при населении в один миллиард в начале XX столетия масштабные эпидемии убивали 5–10 млн человек, а испанка 1914–1918 гг. – 50–100 млн человек, то есть 5–10% населения. По этому показателю современная мнимая «пандемия» тоже не выдерживает сравнения с масштабными эпидемиями, терзавшими человечество в прошлом. В 2020 г. от коронавируса умерло более полутора миллионов человек, что гораздо меньше цифр смертности от пневмонии, малярии, холеры, тифа и других эпидемий.

Все это говорит о том, что режиссеры современного исторического процесса владеют сверхмощными методиками манипулирования сознанием масс и внушения им любой идеи, даже самой абсурдной, противоречащей очевидным фактам. Более того, манипулированию сознанием подверглись не только широкие массы, но и значительные отряды научных и педагогических работников, которые вопреки очевидности начали вслепую вторить средствам массовой информации (точнее – дезинформации) о некой «пандемии».

Другим показателем нормативного порядка исторического процесса является довольно большой временной интервал между созданием плана развития истории и его воплощением в жизнь. Как известно, более-менее оформленный план нового мирового порядка был составлен после Второй мировой войны, в 1945–1950 гг., когда в своих общих чертах появились контуры биполярного мира. Многие события и явления современного мира, свидетелями которых мы сегодня с вами являемся, были проектированы еще 75 лет назад, на заре биполярной эпохи. Это свидетельствует о том, что нормативный порядок, посредством которого эти планы воплощаются, все больше и больше сменяет порядок казуальный, где единственной причиной событий и явлений должны являться объективные причины.

Нормативный порядок конструирует не только историю, то есть историческое измерение человеческого бытия, но и социальную структуру. В первобытную эпоху до-управляемой истории, до начала XX столетия, конструирование социальной структуры осуществлялось в силу объективных причин, то есть казуальным порядком. Развитие производительных сил обеспечило излишки, а следовательно появилась возможность появления частной собственности, назрела потребность высвободить часть лиц, господствующий класс, из непосредственного производственного процесса. Так сменялись формации, уклады, и все это происходило не по чьей-то отдельной воле, а в силу целой совокупности объективных законов экономики и истории. Безусловно, субъективный фактор всегда играл весомую роль в истории, но роль не определяющую. Субъективный фактор мог вызвать восстание, государственный переворот, но не революцию. Только на пороге эры управляемой истории, в 1917 г., субъективный фактор впервые стал «конкурировать» с объективными факторами. Так, например, могучая сверхчеловеческая воля и огромный авторитет вождя большевиков В. И. Ленина сыграли решающую роль в организации и подготовке вооруженного восстания 25 октября 1917 г. в Петрограде. Знаменитые слова Ильича «промедление смерти подобно» в прямом смысле слова были яркой характеристикой исторической ситуации, сложившейся на тот момент. Точка бифуркации истории в тот день была настолько явной, что многое зависело от того, кто первым решится взять власть и повести Россию по тому или другому историческому пути. Тогда субъективный фактор подстегнул объективные законы исторического развития,

в прямом смысле ускорил ход истории. Причем в русской истории происходило это не в первый раз. То же самое сказал А. С. Пушкин о Петре Великом: «придал бег рулю родного корабля».

Продолжающееся усиление концентрации капитала на планете привело к середине XX столетия к ситуации, когда управляемая история стала не только возможной, но и необходимой. Наконец впервые человечество подошло к возможности создания объединенного мира без политических границ и национальных правительств. В начале XXI столетия появились новые технологические возможности, началось формирование шестого технологического уклада, когда большую часть физического труда будут выполнять роботы. Эта возможность привела к необходимости конструирования новой социальной структуры. Потребность в среднем классе теперь исчезла. Осталась необходимость в высококвалифицированном труде ограниченного круга лиц. С этого момента нормативный порядок стал все больше и больше доминировать над казуальным. На повестке дня встал вопрос о создании единого целостного мира с единым мировым правительством, валютой, законодательством и проч. Человечество вплотную подошло к вопросу о том, какая именно сила явится в роли архитектора и конструктора этого объединенного мира.

Внутреннее различие между каузальностью и нормативностью как принципами организации мирового порядка состоит прежде всего в следующем. В каузальной перспективе всякое явление рассматривается как следствие некой причины и одновременно как причина некоего другого следствия, поэтому причинно-следственная цепь представляется как сплошная, нигде не разорванная линия, исходящая из бесконечности и в бесконечность же уходящая. Нормативная перспектива, в отличие от каузальной, предполагает вполне определенное начало – тот самый творческий акт свободного выбора метапарадигмальной установки, которым задаются граничные условия функционирования не только определенного типа мышления, но и жизни самого социального организма. Именно в этом фундаментальном различии между каузальностью и нормативностью коренится противоположность между господствующей в природе необходимостью и человеческой свободой. То, что человек свободен, как раз и означает, что он может, утверждая те или иные нормы, выступать начальным (первым) звеном некоего каузального ряда. Принимая решение такого рода, он действует как причина следствий, но не как следствие причины. Такое понимание свободы в корне отличается от «познанной необходимости» каузальной традиции.

Развертывание причинно-следственного ряда происходит как плавный переход от одного возможного мира к другому. Акт свободы есть перерыв постепенности, который необратимо переносит нас в другой мир, тут же и создаваемый самим этим актом. И здесь речь идет не о причине, а, скорее, о вине. Мы виновны в этом переходе, мы создали этот мир, и мы ответственны за то, что он теперь существует. При этом вина понимается не в морально-оценочном, а именно в амбивалентном (метафизическом) смысле, ибо рождение из нашего поступка блага или зла равновероятно. Поэтому и ответственность здесь означает не наказание, а сознание своего активного участия в жизни, своей причастности к бытию.

Выводы. Итак, прожив столетия создания «энциклопедии природы», где все в согласии с каузальным принципом было построено на причинно-следственных зависимостях, и попытавшись далее спроецировать эту конструкцию на социум, мы осознали нереальность осмысления бытия простым вытеснением нормативного порядка казуальным. Однако и противоположное движение мысли – возвращение к нормативности за счет отказа от казуальности – кажется также несостоятельным. Уйти от такой неплодотворной дилеммы означает признать многомерность мира, из чего следует отсутствие единого универсального способа – «ключа» – и к тайнам природы, и к хитросплетениям социальных процессов. Пока нам нужно искать новую концепцию, которая интегрирует эти два метода познания, один из которых построен на последовательности происходящего за предшествующим, а другой говорит о личностном выборе действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахонский В. В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена; Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1997. 199 с.
2. Пригожин И. Наука, цивилизация и демократия // *Философия и социология науки и техники: ежегодник 1988–1989*. Москва, 1989. С. 7.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. Москва: Наука, 1989. 575 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Москва: Мадриум, 2009. 312 с.

5. Лейбниц Г. Сочинения. Т. 3. Москва: Наука, 1984. 448 с.
6. Башляр Г. Рациональный детерминизм и технический детерминизм // Философия и социология науки и техники. Москва: Наука, 1986. С. 230–236.
7. Бранский В. П. Проблема смысла истории // Искусство и философия. Калининград: Янтарный сад, 2006. С. 582–608.
8. Клайн М. Математика. Утрата определенности. Москва: Мир, 1984. 446 с.

REFERENCES

1. Balakhonsky V. V. *Explanation of history: historical-philosophical, methodological and epistemological aspects*. Saint Petersburg, A. I Herzen RSPU; Penza, V. Belinsky PSPU, 1997, 199 p. (In Russ.)
2. Prigozhin I. Science, civilization and democracy. *Philosophy and sociology of science and technology: yearbook 1988–1989*. Moscow, 1989, p. 7. (In Russ.)
3. Lebedev A. V. (comp.) *Fragments of the early Greek philosophers. Pt. 1. From epic cosmogonies to the emergence of atomism*. Moscow, Nauka, 1989, 575 p. (In Russ.)
4. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge*. Moscow, Madium, 2009, 312 p. (In Russ.)
5. Leibniz G. *Works*. Vol. 3. Moscow, Nauka, 1984, 448 p. (In Russ.)
6. Bashlyar G. Rational determinism and technical determinism. *Philosophy and sociology of science and technology*. Moscow, 1986, pp. 230–236. (In Russ.)
7. Bransky V. P. The problem of the meaning of history. *Art and Philosophy*. – Kaliningrad, 2006, pp. 582–608. (In Russ.)
8. Kline M. *Mathematics. Loss of certainty*. Moscow, Mir, 1984, 446 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Бахтин Максим Вячеславович – доктор философских наук, директор издательства «Энциклопедист-Максимум» Образовательно-культурного центра «Интер-Спутник» (Российская Федерация, 123 325, Москва, ул. Пудовкина, 4, e-mail: universdoktor@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 13.10.20

После доработки 13.11.20

Принята к публикации 16.11.20

Information about the author

Maxim V. Bakhtin – Doctor of Philosophic Sciences, Director of Encyclopedist-Maximum Publishing House, Inter-Sputnik Educational and Cultural Center (4 Pudovkin Str., Moscow, 123 325, Russian Federation, e-mail: universdoktor@gmail.com).

The paper was submitted 13.10.20

Received after reworking 13.11.20

Accepted for publication 16.11.20